

Леокадия Дробижева

Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ.*

Аннотация: В статье на основе обширного эмпирического материала рассматривается изменение содержания идентичностей в России и толерантность межэтнических установок русских и людей других национальностей за 20 лет реформ.

Ключевые слова: Российская идентичность, толерантность, этническая идентичность, консолидация, этнополитические установки.

Summary: In article based on vast empirical material the changes that have occurred over the past 20 years in the content of different identities in Russia and the level of tolerance toward interethnic arrangements on the part of Russians and people of other nationalities are analyzed.

Key words: Russian identity, tolerance, ethnic identity, consolidation, ethnic-political values.

Сфера взаимодействия людей различных национальностей актуализировалась в условиях выборных кампаний во многих, даже с давней демократией, государствах. В России это имело следствием появление статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹ и Указа Президента РФ № 602 от 7 мая 2012 г., в котором говорилось о разработке и утверждении «Стратегии государственной национальной политики».

Стратегия разрабатывается на основе положений Конституции Российской Федерации, принципов и норм международного права и международных договоров РФ. Она нацелена на укрепление целостности государства и деятельности органов государственной власти с участием институтов гражданского общества на обеспечение этнокультурных запросов и прав граждан, достижение межэтнического согласия.

Принятию стратегии предшествует демократическая процедура обсуждения проекта Стратегии, подготовленного учрежденным Советом по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Обсуждения в субъектах Федерации показывают, что некоторые положения в тексте проекта Стратегии воспринимаются искаженно. В частности, положение о российской нации трактуется как замена национальной идентичности народов, населяющих нашу страну. Между тем, в проекте Стратегии говорится: «Российская нация... сообщество граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством».

Российская нация не исключает существования татар, башкир, якутов, бурят и других национальностей. В.А. Тишков предлагает нам вспомнить о том, что и в других государствах существует такая же ситуация, как в России: в Испании есть испанская нация (политическая нация), но есть и каталонцы, баски и другие нации, как этнокультурные общности со своими социально-экономическими и политическими интересами. Испания – нация наций.

При этом формирование идентичности граждан во всех странах считается необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Материалы проведенных репрезентативных общероссийских социологических исследований, в том числе Института социологии РАН², результаты опросов Левада-Центра, Европейского социального исследования ЕСИ (ESS) и исследований под руководством автора в ряде республик Российской Федерации, дают возможность рассмотреть изменение содержания российской и этнических идентичностей и толерантность межэтнических установок русских и людей других национальностей за 20 лет реформ.

В связи с вновь развернувшимися дискуссиями остановимся на пояснении ряда используемых терминов, связанных с методологическими подходами к рассматриваемой теме.

Термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание. В США, Франции, скорее всего, это равнозначные понятия, хотя в каких-то случаях они и различаются. В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду как раз принадлежность к государству.

При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ идеи, символы и знаки закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах.

Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, чувства общности с гражданами страны, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. В кросс-культурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела в стране ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политической жизни (выборы и т.п.), чувством солидарности.

Естественно, между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, а самое главное, наши соотечественники не всегда различают эти свои идентичности. Поэтому, когда такого различия мы не фиксируем, то используем понятие «*государственно-гражданская идентичность*». Когда же речь идет о гражданской идентичности, там, где есть необходимость, мы уточняем, что это *национально-гражданская идентичность*, которая включает не столько лояльность государству, сколько отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы – готовность к действию во имя этих представлений и переживаний.

В проекте Стратегии используется термин «этнонация», он как раз означает возможность идентификации со своей общностью в этнокультурном отношении в отличие от идентификации с политической гражданской нацией.

Этническая идентичность нами так же понимается широко, не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений³.

Элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре государственно-гражданской и этнической идентичности является система стереотипов – представлений о действительных или воображаемых чертах своей общности (автостереотипы) и дифференцирующих представлений о других группах (гетеростереотипы)⁴. Такие гетеростереотипы существуют в отношении и жителей других стран, и других этнических групп. Они могут отражать те или иные реальности, но их неправильно оценивать как характеристику народа – и в гражданском, и в этническом понимании. Такие приписывания являются опасным инструментом насаждения заинтересованными лицами враждебного отношения между группами. Сами же отношения между ними на социально-психологическом, личностном уровне измеряются установками – готовностью к взаимодействию с другими. В нашем поле исследования – готовностью к взаимодействию с людьми разной этнической принадлежности или гражданами других стран.

В статье используется понятие «согласие в межэтнических отношениях», «толерантность» – этим мы подчеркиваем, что анализируем социально-психологический уровень отношений, а не институциональный, политический (анализ на этом уровне требует других источников). Но вместе с тем мы используем понятие «межэтнические», а не «межкультурные» отношения. В поле нашего зрения – установки респондентов на общение с людьми разных национальностей, а они определяются не только особенностями культурных традиций, но и интересами – социальными, политическими, экономическими.

В социологии и психологии идею формирования идентичности как результата межэтнических взаимодействий связывают с именами Дж. Мида и Г. Тэджфела⁵. Но совершенно очевидно, что в формировании идентичностей – страновой, гражданской, этнической, локальной – важную роль играет система идей, идеалов, ценностей⁶, господствующих в обществе и формируемых элитами и государством через систему образования, СМИ, символы, образы.

Не случайно на уровне высших государственных органов через послания Президента РФ Федеральному Собранию, выступления на различных форумах транслируется консолидирующее понятие политической нации в значении согражданства, т.е. сообщества граждан российского государства. Такая трактовка вкладывается в дискурс через понятия «российская нация», «единый народ России»⁷, «мы – многонациональный народ России» (в значении национальностей – русских, татар, чувашей и др. – Л.Д.)⁸. 10 сентября 2011 г. в выступлении на траурном митинге в Ярославле премьер-министр В. Путин употребляет объединяющее слово «нация» (в значении российского сообщества), которая восстановит славу хоккейной команды⁹.

Обратим внимание читателей на парадокс с идентичностями в условиях глобализации. В мировом научном сообществе и публичном пространстве артикулируется, что государство и этничность в глобальном обществе теряют значение. Знаменитый социолог З. Бауман на рубеже XX–XXI вв. пишет, что в современном мире перетасовываемых ценностей и расплывающихся рамок идентичности представляются чем-то, что может надеваться и сниматься, вроде костюма. Важно, чтобы была свобода выбора¹⁰. Ученый приводит аргументы в пользу таких констатаций. И в тоже время после событий 11 сентября 2001 г. президент США Дж. Буш обращается к согражданам: «мы – нация», которая даст отпор террористам. А Президент РФ Д. Медведев заявляет после событий на Манежной площади: «...наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну»¹¹. Существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом, утверждает Ф. Фукуяма, рассуждая об идентичностях в США и европейских государствах¹².

Конечно, при всех общих процессах, которые идут в России, как и в других странах, у нас последние 20 лет были особые условия. Старшее и среднее поколения потеряли ту страну, в которой они жили: изменились пространственные очертания государства, его устройство, система отношений, устои и образ жизни людей, этнический состав населения. Российские граждане живут в государстве, образ которого для большинства из них 20 лет назад был совершенно иным.

В первые годы новой России немало людей вообще еще чувствовали себя «гражданами СССР». В отличие от народов Союзных республик, которые воспринимали себя советскими людьми, но одновременно ассоциировали себя с республикой – Арменией, Грузией, Азербайджаном и тем более Эстонией, Литвой, Латвией и т.д., жившие в РСФСР редко идентифицировали себя как россиян. Строительство российской нации происходило на той же волне, что и в других советских республиках – на противопоставлении. Болезненность появления Российской Федерации в результате распада СССР сказывалась не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании представлений о ней, установках россиян по отношению «к другим», что мы покажем на результатах исследований. Естественно, когда в сознании людей разрушалась прежняя государственная идентичность, актуализировалась этническая, региональная, конфессиональная идентичность.

Исследования Института социологии РАН под руководством В. Ядова показывали, что по общероссийской выборке в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. этническая идентичность превалировала у людей. То же фиксировали мы в исследованиях по республикам Северная Осетия (Алания), Татарстан, Тыва, Саха (Якутия). Но и российская идентичность восстанавливалась исторически довольно быстро. В 2002 г. она была зафиксирована у 63% населения¹³. Примерно те же данные были получены в середине 2000-х гг. в других исследованиях Института социологии РАН, проведенных совместно с Университетом Северной Каролины (США). 65% идентифицировали себя как граждане России в 2006 г.¹⁴ С точностью до одного процента повторились данные в исследовании Института сравнительных социальных исследований, который участвовал в ESS¹⁵ в 2006 г.

В 2011 г., определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране, по данным исследования Института социологии РАН «20 лет реформ» под руководством М. Горшкова¹⁶, в той или иной степени идентифицировали себя как «граждане России». Конечно, надо иметь в виду, что это данные, полученные по всероссийской выборке, в которой доминирующее большинство составляют русские. По результатам опроса 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Это оказалась наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (см. рис. 1).

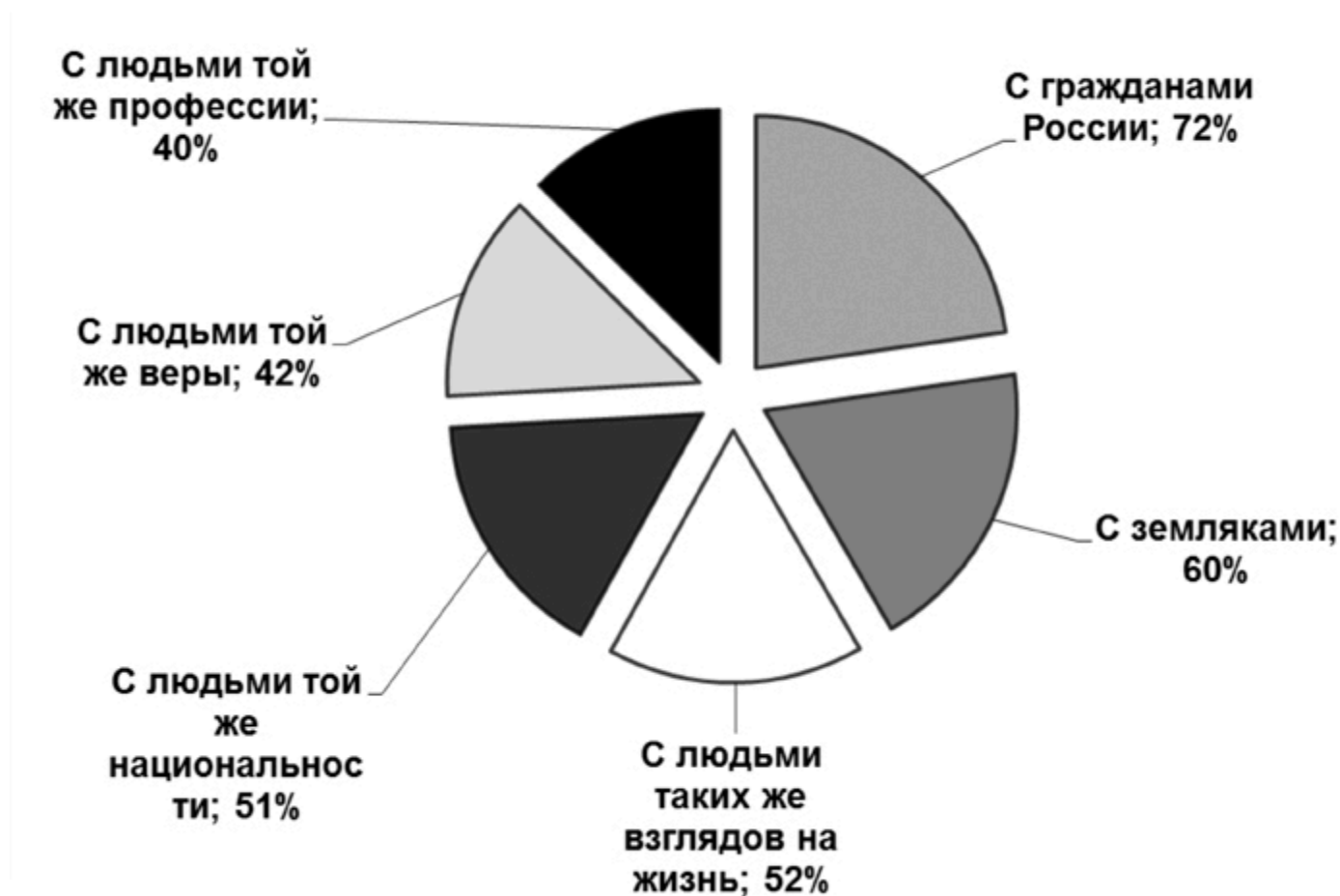

Рисунок 1. С кем люди ощущают связь в значительной степени (Закрытый вопрос, доля выбравших каждую из позиций, в %)

А ведь еще в 2004 г., согласно опросам, российская идентичность по масштабам и интенсивности очевидно уступала этнической идентичности. Россиянами называли себя 78% опрошенных, сильную связь с гражданами России ощущали 31% респондентов (см. рис. 2).

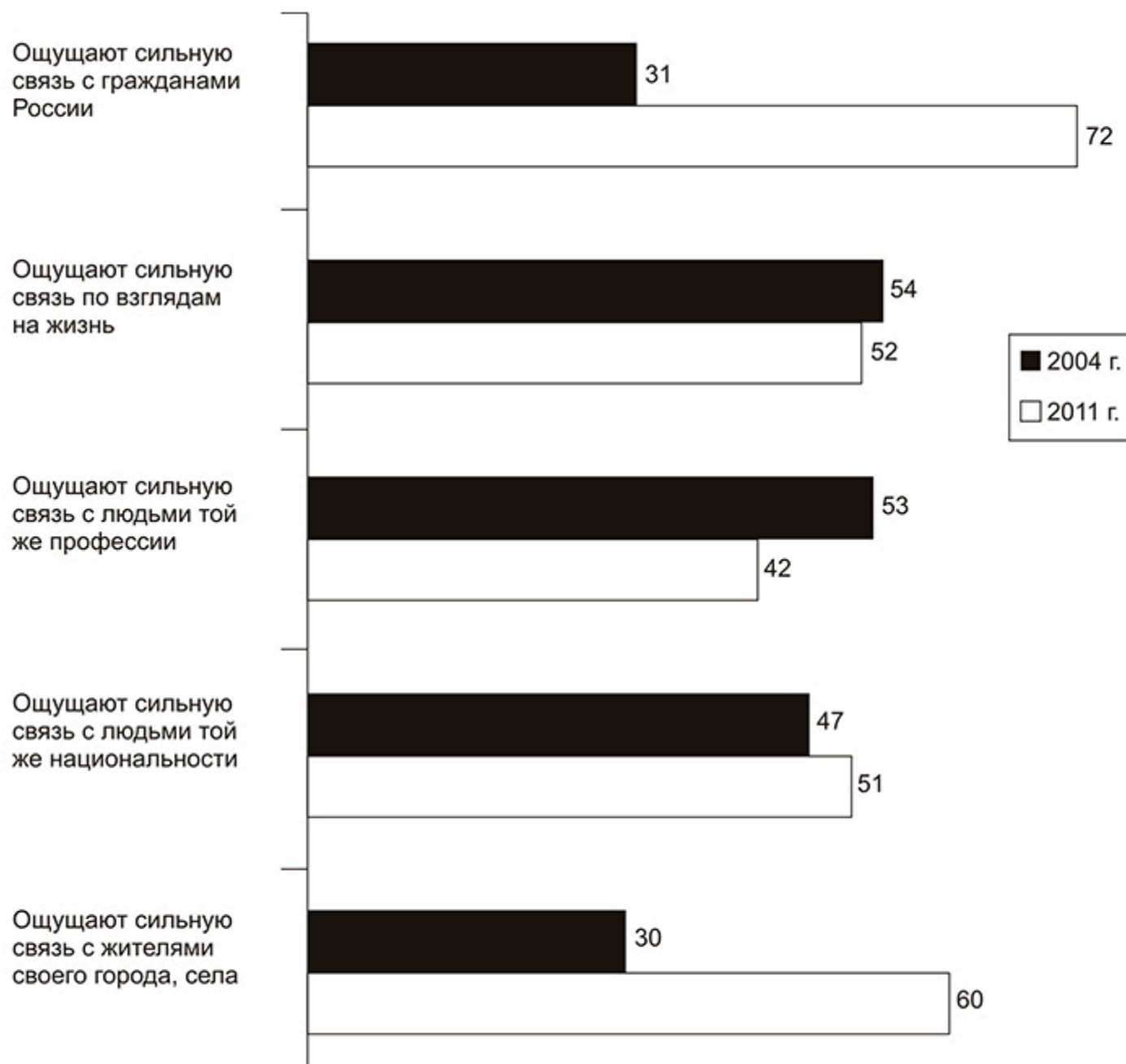

Рисунок 2. Изменение значимости российской и этнической идентичности. С кем и в какой степени респонденты испытывали сильное чувство связи в 2004 г. и в 2011 г. (в %).

К 2011 г. российская идентичность стала самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, а ощущение связи с гражданами страны – более сильным¹⁷.

Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, взглядам на жизнь и национальности, то в 2011 г. *российская идентичность первенствовала*, а ощущение «сильной связи» с гражданами России выросло вдвое. Восстановилась связь времен. Ведь в новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт исторической памяти.

По силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ¹⁸.

В 2000-е гг. притупилась боль у тех, кто остро переживал распад Союза, люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену сплошной критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» постепенно начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Давало какие-то результаты использование механизмов нациестроительства – стимулирование чувства достоинства, самоценности граждан. Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции (Невская битва, Бородино и др.), участвовать в военно-спортивных организациях («Десантник», «Военный десантник», «Русские витязи» и др.). Вопрос в том, как не допустить использования этих молодежных организаций деструктивными силами. Ведь участники спортивных соревнований, особенно тех, где присутствовали фанатские объединения, легко откликались на националистические призывы.

Почти полное совпадение принятия и государственно-гражданской, и этнической идентичности (95% и 90%) дает основание предположить, что для многих в доминирующем русском массиве опрошенных, особенно для тех, кто ощущал «сильную связь» и с людьми своей национальности, и с гражданами России, российская идентификация наполнялась этническим содержанием.

Хотя, как показывали глубинные интервью, содержательно эти идентичности различались. Раскрывая свое понимание российской идентичности, респонденты чаще говорят о государстве, месте России в мире, принадлежности к цивилизационному ряду, истории страны и достижениях в науке, профессиональной культуре. Это подтвердили и опросы в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане. Понятие же этничности раскрывается через происхождение родителей, язык, обычаи, обряды, принадлежность к конфессии. Тем не менее, когда респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» по общероссийскому опросу 25% ответили, что ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%). В республиках среди титульных национальностей считали себя, прежде всего, представителями своей национальности.

Что же консолидирует россиян? По ранее проведенным исследованиям установлено, что самым значимым фактором для идентификации является государство: оно набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян – 60-75%. Среди других консолидирующих представлений 20-35% респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», историческое прошлое, родную землю, природу, язык и культуру. Обычаи, черты характера и иное называли до 10% респондентов. Это вполне естественно, ведь речь идет о российской идентичности, которая не случайно часто россиянами воспринимается как государственная, страновая. Именно за счет такого восприятия она так быстро становилась массовой.

Конечно, об этой тенденции мы судим, прежде всего, по результатам опросов, которые проходили в субъектах Федерации с доминирующим русским населением. Республики в данном исследовании были представлены Татарстаном. Поэтому дополним эти материалы результатами опросов в регионах.

По данным ESS, россиянами чаще себя идентифицировали на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Центре, Поволжье, Центрально-Черноземном, Волго-Вятском районах и на Урале – 74,5-60,7%. На Северо-Западе – 59,7%, а Западной и Восточной Сибири – 51,5-54,3% (в целом по России на 2006 г. – 64,3%).

Исследование, осуществленное Межрегиональными институтами общественных наук (МИОНЫ) и Институтом социологии РАН при поддержке ИНО-Центра, зафиксировало государственно-гражданскую идентичность у 90-95% респондентов в Воронежской, Свердловской, Томской областях, 82% – в Новгородской, Саратовской областях, 60-77% – в Калининградской области, Республике Бурятия, Приморской Крае. В 2006-2008 гг. по той же методике проходили исследования в ряде республик. В Саха (Якутии) идентифицировали себя гражданами России 90% и саха, и русских. В Татарстане татары и русские чаще всего чувствовали себя и россиянами, и татарстанцами (63% и 71% соответственно). На Северном Кавказе в Грозном, по данным Института этнологии и антропологии РАН, с россиянами уверенно себя идентифицировали 25%¹⁹.

На идентификацию себя с гражданами страны, естественно, влияют разные обстоятельства. Человек определяет свою позицию в системе координат, отождествляет себя с той или иной общностью, он свободен в выборе и делает его на основе осознания (в основе – конструктивистский подход по П. Бергеру, Т. Лукману). Но в момент опроса личность в реальной жизненной ситуации отождествляет себя с разными общностями и пространствами, делает выбор. На этот выбор может влиять и этнический состав населения (если прибывают новые иммигранты, то человек чаще может ощущать свою страновую и этническую отличительность), и политическая ситуация (например, значимость действий центра для региона). Так, для якутян важно, как осуществляется северный завоз, без которого на их территории нельзя прожить, как помогает Центр во время наводнений и т.д. Имеет значение историческая традиция и недавние события, связанные с национальными движениями, конфликтами. Очевиднее всего это проявляется в северо-кавказских республиках, но влияет и на других территориях РФ.

От конкретных региональных ситуаций зависит и само содержание представлений о российской идентичности, в соответствии с которыми человек ассоциирует себя как россиянин. У одних людей превалирует ассоциированность по принципу государственной принадлежности, у других это больше выполнение гражданского долга, каких-то обязательств перед своими согражданами. В первом случае российская идентичность выступает больше как идентификация с государственной общностью – как национально-государственная, политическая идентичность, во втором – как гражданская идентичность. Между ними нет, как упоминалось, непроходимой стены. Но у нас гражданское общество еще только формируется, а историческая традиция больше акцентирует представления людей в сторону лояльности государству, нежели гражданской солидарности. Поэтому даже при сходных показателях идентифицирующих себя с российскими гражданами значение и ассоциирующиеся у людей символы российскости могут различаться. И такие различия проявляются не только у людей в каком-то конкретном регионе, но и в межрегиональном разрезе. Можно допустить, что относительно высокие показатели по Северо-Кавказскому региону, полученные в Европейском социальном исследовании, связаны больше именно с ассоциациями с государством или желанием продемонстрировать лояльность при опросе. Возможно, это реакция на дискриминационные высказывания, звучащие порой в Центре, стремление показать: мы – такие же граждане России, как и вы.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян и по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения – 93% против 87% среди молодежи 18-25 лет, что, скорее всего, связано с пережитыми им национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди старшего поколения людей «скорее чувствующих себя россиянами» тоже оказалось чуть больше (53% против 44% среди 18-25-летних).

При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности подтверждается их совместимость и теряет остроту вопрос их конкурентности. Казалось бы, данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Однако важны основания интегрированности. Исследования Левада-Центра в 1990-е гг. давали основания говорить о негативной идентичности наших сограждан. Мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно, что в обществе все же есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими. Сама страна, где ты родился и жил, Родина, – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом (речь идет о нормальном, а не о квасном патриотизме). «Что для Вас значит быть патриотом России?», – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях были согласованные ответы: «любить свою страну» – 95-99%, «стремиться улучшить жизнь в стране» – 92-97%, «гордиться своей страной» – 91-97%. Это ответы на вопрос об абстрактных представлениях респондентов. Исследователи Левада-Центра задавали вопрос, относящийся к самому респонденту: «Гордитесь ли Вы тем, что живете в России?». С 1996 г. они получали положительные ответы («определенно да», «скорее да») более 70-80% опрошенных. В опросе Института социологии РАН задавался вопрос: «Какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?» (респондентам предлагалось выбрать из 11 вариантов не более трех

ответов). Наибольшее число выборов (42%) получила «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы». Идеи «возвращения к социалистическим идеалам», «объединения славянских народов», «решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством», «правового государства» набирали 13-38% ответов.

Данные опроса не дают основания однозначно толковать стремление россиян к «возрождению великой державы» как агрессивные державнические настроения. Обратим внимание на то, что мнение об «особой исторической миссии России» разделяют не более 9% опрошенных. Скорее идея величия – это компенсаторная потребность, и связана она с патриотическими настроениями, которые теперь действительно достаточно представительны. Устойчиво поддерживается мнение «Родина у человека одна и нехорошо ее покидать», его разделяет половина опрошенных (52%).

Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», не согласилась пятая часть опрошенных, треть была согласна с тем, что надо «не говорить, что у твоей страны есть недостатки».

Есть и другой подтвержденный опросом неблагоприятный симптом – солидаризация в немалой мере основана на обидах. 62% респондентов присоединились к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15-20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из СССР народов бывших союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, за критику пережитого прошлого.

Отсюда такая чувствительность к вопросу о том, какое место должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек – «надежный товарищ и друг», у части среднего и младшего – о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия. С другой стороны, у части русских сильна обида за потерю статуса старшего брата.

За 20 лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США и ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава населения. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги «Хватит кормить Кавказ»). Среди угроз, которые вызывают наибольшие тревоги, опрошенные на втором месте после терроризма (что тоже зачастую имеет кавказский след) назвали «втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе».

Российская идентичность конструировалась как солидаризирующаяся, снижающая этнически маркирующую социальную и политическую дифференциацию. На это надеялась и власть, и активная часть общества, во всяком случае, либерально ориентированная или ощущающая опасность дискриминации. И хотя был опыт британской идентичности, который смягчил постколониальную ситуацию, но не спас от североирландского конфликта и лондонских эксцессов лета 2001 г., и опыт французской политической нации, не уберегший от волнений в социально неблагополучных кварталах, все же надежды не умирали и энтузиазм разных политических сил в формировании российской политической нации и российской идентичности не спадал.

Социологические исследования, в том числе по проектам «20 лет реформ», «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества»²⁰ показывали – проблемы межэтнических отношений остаются.

Этнополитические установки даже тех, кто чувствует себя «больше россиянином, чем человеком своей национальности», не отличаются существенно в более лояльную сторону. 68% из них ответили, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям каких-либо национальностей. Чаще всего в этом случае имеются в виду люди, приехавшие из республик Северного Кавказа и Центральной Азии.

61% одобрили бы метод сталинского прошлого и нынешней Франции периода Н. Саркози – принудительное выселение каких-либо национальностей из города или села, в котором они живут.

В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представления людей о многонациональности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?», – спрашивали респондентов. Однозначно считали это преимуществом 16%. Позиция «и то, и другое» была самая распространенная и набрала 41%, а 28% полагают, что это «скорее проблема».

За 20 истекших лет не потерял остроты вопрос о том, является ли Россия общим домом для живущих в ней национальностей. Представление о том, что все народы, населяющие Россию, должны обладать равными правами, остается наиболее распространенным, но с каждым годом становится все менее поддерживаемым. В 1990-е гг. это было мнение очевидного большинства (64-65%), в 2001 г. – 61%, а в 2011 г. – 47% респондентов. Зато это мнение остается поддерживаемым большинством населения в республиках (в Башкортостане, например, 80-90% разделяют его; в Татарстане, Саха (Якутии) – более 80-90%).

По общероссийской выборке увеличилась доля тех, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей» – с 25% в 1995 г. до 45% в 2011 г. Открытую поддержку идее русской исключительности чаще других высказывает молодежь и малообразованные россияне. В столицах же (Москве и Санкт-Петербурге) довольно высок процент «мягких националистов» (40% против 30-32% в других типах поселения), уверенных что русские, как большинство, отвечающее за дела в стране, должны быть наделены большими правами, чем другие народы.

Казалось бы, в мегаполисах больше образованных, самодостаточных людей, удовлетворенных условиями жизни и работой. Тем не менее, конкуренция за престижные места, высокие запросы, которые, естественно, не всегда можно удовлетворить, а главное, быстрый приток инациональных мигрантов обостряют здесь национальные чувства, претензии и, надо признать, радикальные установки. Эта ситуация фиксировалась опросами Левада-Центра²¹. Среди сторонников идеи наделения русских большими правами сильнее выражены установки на допустимость насилия «в случае нарушения справедливости в отношении своего народа» и больше готовность к отделению «неблагодарных» народов.

Самосознание русских актуализировано. 79% разделяет мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать часть своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности». Предыдущие исследования 1990-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Вместе с тем, мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о том, кто они по национальности.

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российской идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, – безусловно, важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний, а обсуждение проекта Стратегии национальной политики показывает, что еще и не всеми она спокойно воспринимается. И нередко ее смыслу придается иное значение: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность, например, нацию башкир. Не случайно половина респондентов полагала, что за 2000-е гг. межнациональные отношения ухудшились. Те же данные были получены в опросах Левада-Центра²².

За 20 лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности. Негативные установки на разные виды контактов колебались в 1994 г. в пределах 22-43%, в 2011 г. – 29-47%.

Наиболее часто неприязнь на этнической почве опрошенные объясняют тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – об этом заявили 63%. Другой аргумент – различия в

«поведении людей, их образе жизни» (39%), и только 1/5 респондентов ощущает конкуренцию за престижные рабочие места. Это вполне понятно, т.к. большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

Драматизировать межэтнические отношения, естественно, не стоит. Различными исследовательскими центрами подтверждается, что доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в пределах 30%. 89% опрошенных полагают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских, к сожалению, такие настроения распространены даже больше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х гг. В 1990-е гг. подобные настроения намного чаще встречались у нерусских. Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чем говорилось выше, и в значительной мере являются реакцией на быстрый приток инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других европейских стран, оказавшихся в такой же ситуации. В поддержку радикального решения «национальных проблем» высказывается немало представителей социально обездоленных слоев населения. При этом в наибольшей мере такая позиция характерна для жителей столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) – 63% (по сравнению с 33-38% среди жителей других типов поселения).

С чем связаны подобные настроения? Сказать, что достаточно большая группа молодежи или жителей Москвы и Санкт-Петербурга – убежденные ксенофобы, нельзя. Ведь 85% 18-25-летних считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещенные негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15-20 лет, т.е. практически за всю их недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего возраста. Скорее всего, за таким ощущением кроется недовольство молодежи той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость.

Надо сказать, что среди испытывающих раздражение и неприязнь к представителям каких-либо национальностей, доля людей с ощущением, что они «много потеряли за последние 15-20 лет» – 70% – вдвое больше, чем среди тех, у кого такого ощущения нет. Речь идет не только о потерях в уровне жизни (их ощущают для себя лично 35%), но и об утрате безопасности (35%), росте коррупции в стране (32%) и, что очень важно для каждого человека, утрате уверенности в завтрашнем дне (43%).

Комплекс социальных обид и неудовлетворенности принимает форму ущемления этнических чувств. События на Манежной площади 11 декабря 2010 г. это очевидно показали²³.

Наш основной вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

Список литературы:

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
2. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006
3. Кцова Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 2.
4. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981.

5. Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Company, 1995. & Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton
6. Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. [[Электронный ресурс](#)].
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 186-187.
8. Медведев Д.А. Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [[Электронный ресурс](#)].
9. Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. № 2. P. 5–20.
10. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220-244.

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Исследования межнациональных отношений» Института социологии РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-03-00054.

Примечания:

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
2. Исследование проведено при поддержке Фонда им Ф. Эберта, охватывало 58 поселений, было опрошено 1750 респондентов. Раздел по идентичности и межэтническим отношениям выполнялся автором статьи. Там, где нет специальных ссылок, данные приводятся по этому проекту.
3. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.
4. Разработка проблемы аналогичных этнических стереотипов как системы в этническом самосознании велась Г.У. Солдатовой (Кцова Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 2).
5. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981.
6. Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton Company, 1995.
7. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. [[Электронный ресурс](#)].
8. Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественности по проблеме Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 г. [[Электронный ресурс](#)].
9. [См.](#)
10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 186-187.
11. Медведев Д.А. Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [[Электронный ресурс](#)].
12. Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. № 2. P. 5–20.
13. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220-244.
14. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), куда по нашей просьбе были включены вопросы по формулировке Е.Н. Даниловой и В.А. Ядова «мы-идентификаций», в том числе «мы-граждане России». Руководители мониторинга с российской стороны – П.М. Козырева, М.С. Косолапов.
15. Координатор с российской стороны – Е.В. Андреевкова.

16. Материалы общероссийского исследования в значительной части опубликованы в «Вестнике института Кеннана». 2011. № 20.
17. В сравнения не включены семейные связи, которые по всем исследованиям бывают самыми сильными.
18. За сравнение взяты данные ISSP 2003 г., где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно», «совершенно не чувствую связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но схватывают тенденцию.
19. Данные по Саха (Якутии) приведены по результатам исследования сотрудников Института социологии РАН (рук. Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш) и ученых из республики – А.Д. Бравина, Э.Я. Яковлевой. Данные по Татарстану любезно предоставила исследовательская группа Г.А. Исаева.
20. Научно-исследовательский проект РГНФ №11-03-00054а.
21. Москвичи об акциях 11 и 16 декабря [[Электронный ресурс](#)].
22. Опрос 17-21 декабря 2010 г. фиксировал рост межнациональной напряженности у 51% респондентов [[Электронный ресурс](#)].
23. Начавшееся по заказу Общественной палаты специальное исследование среди молодежи 15-30 лет подтвердило – 78% считают события на Манежной площади не националистическими выступлениями, а акцией протеста против коррупции. Так полагают и русские и представители других национальностей.

Журнал «Вестник Российской нации». 2012. № 4-5.